

КАЗАНСКИЙ
СОБОР№ 8
(20), 2007

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА. WWW.KAZANSKY-SPB.RU

ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

В РОЖДЕСТВЕ ДЕВСТВО СОХРАНИЛА ЕСИ, ВО УСПЕНИИ ЖИЗНЬ НЕ ОСТАВИЛА ЕСИ БОГОРОДИЦЕ,
ПРЕСТАВЛЯЯСЬ ЕСИ К ЖИВОТУ, МАТИ СУЩИ ЖИВОТА, И МОЛИТВАМИ ТВОИМИ ИЗБАВЛЯЕШИ ОТ СМЕРТИ ДУШИ НАША.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы сегодня празднуем день Успения, упокоения Пресвятой Девы Богородицы. Это наш престольный праздник, но это тоже престольный праздник всей Русской Церкви издревле.

Как можно праздновать день успения? день смерти? — Только если мы помним две вещи. Во-первых, то, что смерть является для нас, остающихся на земле, горькой, болезненной разлукой с любимыми. Но для умирающего смерть, успение является торжественной, величественной встречей живой души с живым Богом. В течение всей жизни нашей мы рвемся к той полноте жизни, которую обещал нам Господь; знаем мы это или нет, эту полноту мы можем найти только в Боге. И вот, и знавшие это, святые и верующие поистине, и колеблющиеся, и не знавшие это, и даже это всю жизнь отрицавшие, в день, когда их душа разлучится от тела, окажутся перед живым Богом, Который есть жизнь, Который есть радость, красота; и, как об этом писал отец Александр Ельчанинов, нет такой души, которая, узрев Божественную красоту, объята Божественной любовью, светом вечной жизни не преклонится к Его ногам и не скажет:

«Господи! Тебя единого искал я в течение всей моей жизни...»

На всех путях и правды, и неправды человек ищет этой полноты, этой неизреченной красоты, этого смысла и этой все побеждающей, все очищающей, все преображающей любви. Поэтому когда мы сами находимся перед лицом

живая душа любимого мне человека удостоилась сегодня встать перед славой Твоей и приобщиться полноте жизни и этой преображающей славе...

Мы не напрасно говорим также о том, что успение, как столько раз напоминает нам апостол Павел, есть временный сон нашей плоти

Матерь Божия, мы знаем, что Она уже и плотью воскресла и вошла в эту жизнь, которая нам откроется в конце времен. Поэтому мы и можем праздновать сегодня полной радостью день Успения Божией Матери, когда с Нее пали узы тела, когда Она освободилась от границ тварного бытия, когда Она вышла из узких граней падшего мира и во всей славе, во всей неизреченной Своей красоте, в Своей чистоте встала перед лицом Сына Своего и Бога, перед лицом Бога и Отца...

Радость наша может быть совершенна, без слез, без горя: это торжество жизни; но это тоже свидетельство для нас о том, что воскресение — не пустое слово, что воскресение — не иносказание, но все мы, по слову Божию, воскреснем и войдем в полноту нашего человечества, и душой, и духом, и плотью в вечность, в радость вечную Господа нашего.

Поэтому возрадуемся и возвеселимся в этот день!

И как дивно, что Русская Церковь, еще в одиннадцатом веке прозрела эту тайну, так восприняла тайну Божией Матери, тайну жизни, и смерти, и воскресения, и последнего торжества, что сделала этот праздник праздником Церкви Русской. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

смерти близкого человека, как бы ни было глубоко наше горе, как бы ни рвалась наша душа, мы должны суметь перекреститься, поставить себя под и перед крестом Господним и сказать: Да, Господи! Меня постигло самое, может быть, великое горе, которое могло постичь меня, — но я радуюсь о том, что

до дня воскресения. И вот, празднуя Успение Божией Матери, мы не только верим, что Она воскреснет в последний день, как мы все, но мы знаем достоверно из апостольского предания, из опыта Церкви — не только святых, но и грешных, которых взыскала Своей любовью и милостью и состраданием

ФОТОРЕПОРТАЖ: ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
В КАЗАНСКОМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

ОСВЯЩЕНИЕ ПАМЯТНИКА «ДЕТЯМ БЕСЛАНА»

«Белые ангелы, Белые птицы, Вы мне скажите — куда вы летите? И почему вы так скорбно молчите?! 1 сентября 2004 г. 186 невинно убиенных детей. Господи, упокой души рабов твоих», эти строки выбиты на гранитной плите памятника «Детям Беслана», который был открыт и освящен 28 августа в Петербурге около храма Успения Пресвятой Богородицы на Малоохтинском проспекте.

В храме была совершена заупокойная служба в память о погибших три года назад в бесланской школе. Богослужение возглавлял митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир. Затем был совершен крестный ход, и во дворе собора состоялось торжественное открытие и

освящение памятника. В церемонии приняли участие около 200 человек.

Год назад с предложением построить на территории церкви памятник детям Беслана к настоятелю обратился староста храма — Валентин Леонович Ковалевский, известный в деловых кругах предприниматель, готовый вложить в это собственные средства.

За творческим исполнением задуманного Ковалевский обратился к давнему другу — скульптору Виктору Шувалову.

Памятник представляет собой разорванный крест, из которого выходит Богородица с ребенком на руках. В основание памятника заложена земля с места трагедии в Беслане.

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ И ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

Характерное отличие мистики Франциска от мистики Серафима мы видим в разном отношении того и другого подвижника собственно к Христу. По сравнению с Серафимом, который в сердце своем ощущал духовную силу Христову и принимал Христа *внутри* себя, Франциск в представлении о Христе воспринимал прежде всего *впечатление от земной жизни Христа*, был поглощаем Его *внешним страдальческим образом*. Впечатление это на Франциска шло как бы извне. И Франциск стремился всеми силами своей души подражать Христу. Для него Христос был внешним объектом, и исходя от образа Христа и Его страданий и развивалась мистика Франциска.

Надо сказать, что это подражание Христу доходило у Франциска до прямой копировки им жизни Спасителя. Так, например, когда у Франциска в начале его деятельности собралось до семи учеников, он, подобно Спасителю, пославшему своих апостолов на проповедь, — послал на проповедь и своих апостолов, причем дал им почти те же наставления, говоря: «Идите же по два по разным областям земли, проповедуя мир людям и покаяние ради отпущения грехов». Спаситель, как известно из Евангелия, «призвав двенадцать, начал посылать их по два... они пошли и проповедывали покаяние».

Затем интересен еще следующий факт прямой копировки Христа Франциском. Незадолго до своей смерти Франциск в своем увлечении, где только можно повторять Спасителя, — воспроизвел пред своими учениками даже нечто подобное самой великой Тайной вечери. Перед смертью он велел принести хлеб, благословил его, приказал разломить и каждому из стоявших тут учеников дал по кусочку. «Он вспомнил, — говорит житие Франциска, — ту священную трапезу,

которую Господь отпраздновал со своими учениками в последний раз».

Ни на что подобное Серафим Саровский, по своему величайшему смирению, не решался.

Различие между Франциском и Серафимом мы видим в необыкновенной восторженности Франциска и идеализации им самого подвига, которому он предавался. Эта восторженность контрастирует с той простотой, с которой Серафим совершал работу над собою, хотя внутреннее горение духа Серафима и его подвиги были сильными и глубокими.

Простота чувства и непоказная работа Серафима над собою ярко сказались в его подвиге тысячедневного стояния на камне, когда он в борьбе со своими страстями взывал к Богу: «Боже, милостив буди ко мне грешному».

В параллель с этим покаянием Серафима приведем образчик того, как калялся в своих грехах Франциск.

Случилось однажды так, что Франциск по болезни отступил от установленных правил строгого поста. Такое отступление от устава томило совесть подвижника. Он решил покаяться и наказать себя. Покаяние это Франциск

выразил следующим образом. Хроника говорит, что он велел собрать народ на улице в Ассизи для проповеди. Окончив проповедь, он сказал народу, чтобы никто не расходился до его возвращения, сам же вошел в собор со многими братьями и Петром де Катани и сказал Петру, чтобы он по обету послушания и без противоречия исполнил то, что он ему скажет. Тот ответил, что не может и не должен пожелать или сделать чего-либо против его воли, ни с ним, ни с самим собою. Тогда Франциск снял с себя кафтан и приказал Петру обвязать его веревкой и повлечь его полуобнаженного в народ до того самого места, откуда он проповедывал. Другому же брату Франциск приказал наполнить чашу золою и, поднявшись на возвышение, с которого он проповедывал, сыпать ему эту золу на голову. Тот, однако не послушался его, так как был слишком огорчен этим приказанием из сострадания и преданности Франциску. Брат же Петр, взяв в руки веревку, потащил за собою Франциска, как тот ему велел. Сам он при этом горько плакал, и другие братья обливались слезами от жалости и скорби. Когда Франциск таким образом был привлечен полуобнаженный перед

народом к месту, откуда он проповедывал, он сказал: «Вы и все, кто по моему примеру покинул мир и ведет образ жизни братьев, *считаете меня святым человеком*, но перед Господом и вами я каюсь, что во время моей болезни я ел мясо и вареный на мясе навар».

Грех Франциска, конечно, не был так велик и едва ли заслуживал той драматической формы покаяния, в какую облек свое раскаяние Франциск, но такая уже была общая черта религиозности Франциска. Он стремился идеализировать все, что надлежало исполнять подвижнику, стремился идеализировать и самый подвиг покаяния.

Идеализация Франциском христианских подвигов замечается и по отношению к подвигу милосердия. Видно это из того, как Франциск относился к нищим. В глазах Франциска нищие были существами весьма высоко стоящими сравнительно с другими людьми. По воззрениям католического святого, нищий является носителем священной миссии, будучи образом странствующего бедного Христа. Поэтому в своих наставлениях Франциск даже обязывает своих учеников просить милостыню.

Что касается Серафима Саровского, то он, относясь к нищим с христианской любовью, самого нищенства не возвеличивал в подвиг подражания Христу. В поучениях своих он просто говорил, что «должно быть милостиву к убогим и странным — о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви», и нигде в его указаниях нет намека на требование от монахов, чтобы они ходили просить милостыню.

Наконец, идеализированная восторженность Франциска в особенности сказывалась при воспоминании его о земных страданиях Христа. В житиях Франциска говорится, что «*опьяненный любовью и состраданием ко Христу*, блаженный Франциск иногда поднимал кусок дерева с земли и, взяв его

в левую руку, правую водил по нем на манер смычка по скрипке, припевая французскую песнь о Господе Иисусе Христе». Оканчивалось это песнопение слезами жалости о страданиях Христа и усиленными вздохами, и Франциск, впадая в забытие, останавливал глаза на небе...

Были у Франциска и общие черты с Серафимом как в характерах, так и в их религиозности. Последнее объясняется тем, что оба они были горячими

христианами, оба стремились к добру, оба были искренними подвижниками. Об этой общности их черт мы скажем также несколько слов, что необходимо для возможно точной характеристики того и другого святого.

Прежде всего следует указать на то, что у обоих святых замечается следующая общая черта: это — их жизнерадостность. По свидетельству всех, знавших Серафима Саровского, духовная радость проникала Серафима настолько, что его никогда не видели печальным или унывающим, и это радостное настроение духа он старался передавать и другим.

То же самое мы видим и в Франциске. Исследователь жизни Франциска В. Герье в своей книге о святом пишет, что «присущая Франциску жизнерадостность, которая была ключом в его юности, не оставляла его, *преобразившись* духовно, и среди самого тяжкого монашеского подвижничества». Хроника говорит, что «о том в особенности всегда старался Франциск, чтобы вне часов молитвы и богослужения всегда проявлять внешним видом и внутренне испытывать *радость*. То же самое он и в братьях чрезвычайно любил, а за проявленную печаль и скорбь часто корил».

Засим, как Серафим, так и Франциск весьма сурово относились к своему физическому телу, подвергая себя лишениям и тягестям всякого рода. Не говоря уже о строгих постах, Франциск вообще не щадил своего здоровья. «Хотя, — рассказывает один из его товарищей, — Франциск многие годы страдал болезнями, но он был так благочестив и усерден к молитве и богослужению, что, когда молился или читал канонические часы, никогда не прислонялся к стене, а стоял прямо и с открытою головою». Франциск называл свое тело очень характерным названием: он именовал его *братом ослом*, которого нужно обременять тяжелой ношей, плохо кормить и часто бить бичом. Близко к этому поступал и Серафим Саровский; так, например, его всегда видели с сумою на плечах, где лежало Евангелие и груз из камней и песка для

умерщвления своей плоти. На вопросы некоторых, для чего он это делает, старец отвечал: «Я томлю томящего мя».

Оба они, и Серафим, и Франциск, одинаково строго относились к исполнению необходимых христианских таинств. Так, св. Серафим, когда у него заболели ноги, почему он не мог ходить из своей пустыни в церковь для причащения Св. Тайн, принужден был по этому случаю оставить даже дорогу для себя пустынь и перебраться опять в монастырь, где устроил себе пустынно-жительство в своей келье. То же строгое отношение к исполнению таинства причащения мы видим и у Франциска. В. Герье говорит, что, как ни дорожил Франциск одиночеством и уединенной молитвой, он не менее дорожил богослужением и реальными проявлениями связи человека с Божеством в таинстве причащения. Франциск поэтому был счастлив, пишет Герье, когда ему удалось выпросить у монахов бенедиктинского монастыря на горе Субазии право пользоваться их часовней и поселиться около нее.

Подобно Серафиму, Франциск относился весьма строго и к подвигам отречения своей воли (послушания) и к подвигу целомудрия. В своих наставлениях он требовал от братьев немедленного послушания. «Дорогие братья, — говорил он, — исполняйте приказание по первому слову и не дожидайтесь, чтобы его повторяли, не допускайте мысли, что приказанное вам невозможно исполнить, ибо, если бы я вам приказал что-нибудь сверх ваших сил, святое послушание не окажется бессильным». Точно так же Франциск не менее чем все подвижники Востока ценил чистоту целомудрия. Наконец, к подвигу молитвы Франциск предавался с не меньшим усердием, чем Серафим.

Общие черты у Серафима и Франциска замечаются даже в некоторых менее существенных деталях их жизни. Таким, например, почти одинаковым у обоих святых, характером проявлений души их было отношение к животным. Самовидцы не раз говорили о том, как Серафим обходился с животными и, между прочим, как он обращался с медведем, который иногда жаловал к нему в гости.

Подобное же отношение вообще к животным проявлял и Франциск. Правда, в Италии в местностях, где он жил, не было медведей, которых делал кроткими св. Серафим, но зато там было много других Божиих созданий, с коими Франциск умел жить трогательно общою жизнью. Франциск относился к животным с таким же состраданием и любовью, как и к людям, считая их младшими братьями человека, и призывал их вместе с человеком служить Творцу. Однажды Франциску принесли зайчика, пойманного в сети, говорит хроника; зверек сейчас же спрятался к нему за пазуху. Франциск выпустил его на волю, и зайчик следовал за ним шаг за шагом, как собака, до соседнего леса.

Кузнечик, стрекотавший на фиговом дереве близ его кельи, откликался на его зов и сходил к нему на руку. «Пой, брат мой, — говорил святой, — хвали Господа своим радостным криком».

Изданных, почерпнутых нами в жизнеописаниях Франциска и Серафима, весьма существенными для нашего

исследования представляются сообщения собственно о чудесных проявлениях духовного сверхсознания того и другого святого.

Выясним возможно точнее эту сторону их духовной жизни:

1) Если сравнить видение Серафимом Сына Человеческого во славе с видением Франциска на горе Альверна (стигматизация), то первое видение производит впечатление необыкновенно величественного, чисто духовного видения, чего нельзя сказать о видении

св. Франциска, — о видении, потемненным его собственным воображением и чувственностью. При этом следует заметить, что таково было сверхсознание Франциска в конце его жизни. Описанное видение на горе Альверна было той высшей степенью мистического восприятия, которого Франциск достиг перед своей смертью.

2) Между тем у того же Франциска, в его юные годы, когда он прославил себя своим апостольством (когда духовность его не была потемнена сознанием своих великих дел) — у него были еще случаи откровения вне какой-либо искусственной экзальтации, ибо по природе своей Франциск был глубоко мистичен, и у него к тому же было гениальное на добро сердце. Вспомним хотя бы его видение в Сполето или откровение на улице в Ассизи ночью, которое преобразило его из легкомысленного юноши в горячего подвижника, но тогда Франциск был совсем другим человеком; он еще не считал себя тогда большим светом (*grande lumiere*), как он себя называл потом на горе Альверна.

3) Что касается Серафима Саровского, то у него, наоборот, духовное его сверхсознание *прогрессировало* к концу его жизни в своем развитии. Известно, что в последние годы Серафима на него находили восприятия чрезвычайной духовной силы, а также экстазы прямого общения с Божеством. Вспомним о просветлении Серафима во время его разговора с помещиком Мотовиловым и об экстазе Серафима во время его беседы с саровским иноком Иоанном; причем лицо Серафима озарилось необыкновенным светом. Состояние этого последнего экстаза Серафим не мог даже выразить своими словами. Об этом экстазе Серафима мы будем более подробно судить по тем данным, которые нам оставил о подобных экстазах другой мистик Восточной церкви Симеон Новый Богослов.

4) Наконец, Серафим Саровский обладал высокою степенью прозорливости. Сердца людей, с которыми он встречался, были для него раскрытою книгою. Эта прозорливость явилась как результат его духовного просветления.

В материалах же о жизни Франциска нигде не упоминается о том, чтобы он когда-нибудь проявил подобную способность.

В общем же, на основании данных исследования, можно прийти к несомненному заключению, что мистика Франциска по сравнению с мистикой Серафима представляется далеко не совершенною.

Если это так, то почему же Франциск не стяжал себе Духа Святого Божьего в равной степени с Серафимом Саровским?

Читатели увидят далее, что это может быть выяснено при ближайшем изучении психологии того и другого святого; они увидят, что вопрос этот разрешим на основании тех данных, которые мы имеем из биографий святых, если сопоставим между собою некоторые наиболее яркие факты и самые воззрения подвижников и осветим их с точки зрения философии подвижников Восточной церкви — философии, с которой мы познакомились по Добротолочию.

Вопрос этот разрешается, как мы увидим, *в связи с характером смирения того и другого святого*.

Итак, прежде всего, выясним, в чем собственно заключалось отличие в их смирении?

Выше мы привели один интересный эпизод из жизни Франциска, когда он перед своей смертью, в своем увлечении подражать Христу, принял перед своими учениками роль как бы самого Христа, а именно: он воспроизвел сцену великой Тайной вечери, раздав преломленный хлеб собравшимся к его смертному одру ученикам. Указывая на тот факт, мы тогда заметили, что ничего подобного св. Серафим, по своему глубочайшему смирению, не проявлял.

Франциск в этой сцене, совершившейся пред его смертью, уподобил себя в глазах своих учеников как бы самому Спасителю мира. Пройдя свой подвижнический путь апостольства и создав свой могущественный францисканский орден, обновивший Католичество, Франциск в конце дней своих почувствовал себя осуществившим великую миссию к спасению людей; поэтому, сознавая себя свершившим свое дело учительства, он в вышеописанной символической форме, скопированной с Тайной вечери, и выразил своим ученикам, или вернее своим апостолам, свой завет их нерушиму братству и свое напутствие на их дальнейшее служение. Внутреннее смирение Франциска такому его самосознанию не препятствовало.

М.В. Лодыженский (1912 год)
Продолжение в следующем номере

СПОР ДВУХ АКАДЕМИЙ

Письмо 10 академиков против сотрудничества Церкви и образования — это нормальный шаг в гражданском диалоге. У людей есть свое видение ситуации, свои надежды и опасения. Боятся они нас, православных священнослужителей. Если заведомо неглупые люди (среди авторов письма — два нобелевских лауреата) испуганы нами, значит, какой-то повод к этому дали именно мы. Например — не нашли времени, сил и аргументов для того, чтобы объяснить нецерковному обществу смысл некоторых наших действий, распространяющих присутствие Церкви за пределы наших храмов.

Есть реальная проблема — вопрос об образе и границах влияния Церкви в светском обществе.

Есть наши — порой удачные, а порой не очень — попытки определить и изменить эти границы.

Есть реакция — порой адекватная, а порой не очень — светских (постсоветских) людей на изменение привычного или желаемого для них культурного ландшафта.

И есть взаимные попытки демонизации оппонентов. То академик Гинзбург полемически скажет про «сволочей церковных» (1). То церковные апологеты обзовут академиков пенсионерами, врагами России и «агентами влияния».

Христа ради — простите, Виталий Лазаревич, что мы Вас так раздражили, что до «сволочей» довели. Но, может, пора спокойно поговорить? Во всяком случае я в кармане не держу никаких обвинений и подозрений в Ваш адрес и в адрес единомышленников с Вами академиков. Для меня эти академики — хорошие люди, великие ученые, принесшие славу русской науке. Их личное неверие меня не «напрягает».

И хотя ответ на «антиклерикальное письмо» 10-ти ученых очень хочется назвать классически — «Против академиков» (с аллюзией на труд блаж. Августина), я этого делать не буду. Я пишу не против академиков, а за них. И призыв мой не к обскурантизму, а к большей научности: уважаемые академики, ну будьте вы более академичны! Достойным укоризны в обсуждаемом письме мне представляется именно нарушение принципов научного поиска и диалога самими академиками, вроде бы защищающими интересы науки.

Хороший ученый всегда знает границы своей компетентности. Он знает границы приложимости своего метода. И он готов учиться — анализировать новую информацию, приходящую к нему с соседних «делянок». Вот что меня удивляет в академике Гинзбурге: уже с 1998 года Виталий Лазаревич регулярно и публично дискутирует с тем, что ему кажется «клерикализмом» (2). Это уже не случайный эпизод в его замечательной биографии, а целая страница и, пожалуй, основная форма его выхода в публичное пространство. Но взял ли он на себя труд знакомства с этим новым для него миром — миром религиозной жизни и мысли? Появились ли на его рабочем столе труды не богословов, нет, но хотя бы классиков мирового религиоведения 20 века? Ознакомился ли он всерьез с правовыми

нормами (и с практикой их применения), регламентирующими церковно-государственные отношения в демократических странах и в России?

Свежайший пример: «Письмо 10» утверждает, будто «Конституция Российской Федерации провозглашает принцип отделения Церкви от системы государственного образования». Тут академики спутали норму советских конституций с современной правовой реальностью. В Конституции России ни слова не сказано про пресловутое ленинское «отделение школы от Церкви». Это не означает, что система гособразования в России должна быть церковной или клерикальной, но все равно — зачем же ссылаться на несуществующую норму?

И какое отношение к Конституции имеет «все возрастающая клерикализация российского общества»? Если слово «клерикализм» употребляется как ругательство — тогда протест и обращение к «гаранту» понятны. Мол, символ всего темного и злого, гнетущего нас. Но коли так — письмо академиков из голоса научного сообщества превращается в странничку бульварно-ругательной партийной журналистики.

А если авторы письма отдают себе отчет в смысле употребляемых ими слов — то их протест оказывается неуклюже-неуместным. В словарях поясняется, что клерикализм — это «идеологическое и политическое течение, стремящееся к укреплению и усилению влияния Церкви в политической и общественной жизни». И о чем же тогда письмо? Одна группа граждан жалуется президенту на то, что другая группа граждан «расширяет свое влияние»? Так это вообще нормальный жизненный процесс. Всегда чье-то влияние растет, чье-то умалется.

Столь же естественно аналогичное стремление и у других «групп влияния» — в том числе и Академии наук. При чем тут Конституция? Конституция запрещает «влиять»? Тем более на «общественную жизнь»? (В политическую жизнь Церковь как раз не стремится войти (3)).

Другое (и более точное) определение термина «клерикализм» — это передача государственного управления священнослужителям (теократия). Вот это точно было бы нарушением Конституции России. Однако единственное, что может наводить на подобные подозрения, — это ряссы, в которые облачены члены верховных судов.

Неужто ж взгляд ученых столь обманывается внешностью, что полагает, будто в Конституционном суде сидят сплошь иереи, принявшие рукоположение от Патриарха?

Вот священник-капеллан появился в воинской части. Это клерикализм? Священник будет приказывать командиру? Московская Патриархия подменит собой Генштаб? Капелланы есть в армии США. Значит ли это, что в США — теократия, и свобода совести подавлена там вооруженным путем?

Но раз нас подозревают в стремлении взять в свои церковные руки рычаги управления государством, то стоит процитировать документ весьма высокой церковной авторитетности — принятые Архиерейским Собором 2000 года

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству: противостояние греху путем насилия, использование мирских властных полномочий, принятие на себя функций государственной власти, предполагающих принуждение или ограничение».

В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством... Принцип свободы совести оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества... Церковь должна уделять главное внимание не системе внешней организации государства, а состоянию сердец своих членов. Посему Церковь не считает для себя возможным становиться инициатором изменения формы правления, а Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1994 года подчеркнул правильность позиции о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин»... Условиями церковно-государственного взаимодействия должны являться соответствие церковного участия в государственных трудах природе и призванию Церкви, отсутствие государственного диктата в общественной деятельности Церкви, невовлеченность Церкви в те сферы деятельности государства, где ее труды невозможны вследствие канонических и иных причин».

«Клерикализм» — слово жесткое и пугающее (потому что нерусское и непонятное). Современные церковно-государственные отношения в России не дают поводов к тому, чтобы этим словом пугать и пугаться. В 2006 году в селе Ладовская Балка Ставропольского края главой сельской администрации был избран священник Игорь Шевердин — так епархия его немедленно за это лишила сана...

И от себя лично также скажу, что я един с моими высокими оппонентами в желании видеть Россию государством светским, с разделением служений Церкви и государственной власти и со свободой совести.

Еще одна очевидная ошибка автора текста, подписанного академиками (и, увы, не замеченная и не оспоренная ими) — это претензия на «монополию материалистического видения мира». «Видение мира» — это мировоззрение, идеология. И будь оно «материалистическим» или «пантеистическим», «гилозоистским» или «теистическим» — все равно по Конституции России оно не может быть монопольным. «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Ст. 13, 2).

Академики задают вопрос, который им кажется риторическим — «Так на что же нам предлагают менять “монополию материалистического видения мира”?» «Монополию» менять не надо. Клинь клином тут вышибать не след. Один тоталитаризм заменять другим монополизмом не стоит.

Вместо монополии материализма как философии в образовании должны быть а) просто наука; б) знакомство с культурой в многообразии ее языков и мировоззренческих моделей; в) методологическая ясность, которая будет четко различать научные факты от научных теорий, а последние — от научных гипотез.

В этой связи хорошо бы пораньше сообщать студентам о зависимости фактов от теорий. О том, что нет ни одной стопроцентно доказанной научной теории и теоремы (см. теорему Гёделя), но в науках есть свои критерии, по которым та или иная теория «терпится» даже с присущими ей недостатками. Об аппроксимациях. О том, когда, при каких условиях и почему общепринятая теория все же начинает отстраняться. О том, что научные гипотезы неоднородны: они бывают разного качества и разной степени признанности...

Именно это и хотела бы Церковь слышать на школьных уроках биологии. Не изгнания эволюционизма и дарвинизма из школы мы хотим. Хорошо бы встретить в учебниках биологии суждения такого типа: «Теория Дарвина — научная гипотеза, подтвержденная лишь косвенно и частично. Есть серьезные вопросы, на которые дарвинистская гипотеза (может быть, только пока) не дает ответа. Не все феномены живого мира она может объяснить. По этой причине в современном научном сообществе неодавинистская модель эволюции не является общепризнанной. Есть другие эволюционистские модели (финалистские; теория номогенеза Берга и т.д.), в которых предполагается участие Разумного фактора в развитии живого мира. Есть и ученые-креационисты. Есть и вненаучные способы самопонимания человека и антропогенеза. В частности — библейский рассказ. Люди библейской культуры выносили из этого рассказа следующие важные для них смыслы...

Кстати, есть такие трактовки библейского текста, которые не будут противоречить эволюционистской модели (4). Поэтому не стоит сложные и творческие отношения между современной наукой и религиозным мировоззрением загонять в жесткие рамки взаимно исключительности».

На вопрос академиков — «Что же в школе изучать — научные факты или “библейское учение” о сотворении мира за семь дней?», ответ очевиден: и то, и другое. Но с необходимым уточнением: все собственно научные суждения (от фактов до гипотез) надо отличать от их мировоззренческих истолкований. Даже в хорошо знакомой академиком советской философии проводилось четкое различие между научными и мировоззренческими суждениями. Не одно и то же научный факт и идеологические обобщения, возлагаемые на него.

Нет прямой и необходимой связи между естественно-научным суждением и навязываемой ему философской интерпретацией. Если каждый из десяти авторов письма сделает по десять научных открытий, установит по десять новых глубинных причинно-следственных связей в материальном мире, то неужели появятся сто новых доводов в пользу

атеизма? Даже если эти десять умов сделают именно такой вывод из этих своих открытий, для меня эти их открытия станут сотней новых доводов в пользу Творца, который так премудро и логично устроил мир...

Так что ни работа в науке, ни ее выводы не требуют быть атеистом. А потому всеобщее уважение к науке и к труду ученых не должно превращаться в мировоззренческое подчинение философским взглядам одной из групп ученых, исповедующих атеизм. В своих научных отраслях они могут быть «монополистами», но в философии монополия любезного их сердцу атеизма должна быть оспорена.

Если бы академики настаивали на монополии просто научного знания — в этом случае они были бы сциентистами. Мол, наука безо всяких идеологий, философий и мировоззрений приведет человечество к счастью... Это позиция культурного нигилизма и дегуманизации — навязывание человеку только одного способа познания себя и мира. Зауживание человека лишь до одного обязательного языка — языка математики.

Но академики, памятуя, наверное, что сциентизм считался ересью даже в марксистско-ленинской философии, настаивают на необходимости мировоззренческих тезисов. Значит, они признают право на существование за другими формами человеческой мысли, нетождественными естествознанию. Хорошо. Но напрасно они считают, что сие право распространяется лишь на те из этих форм, которые связаны с естествознанием, и уж совсем необязательно считать, что с наукой может быть связана лишь материалистическая философия. Ни исторически, ни логически этот тезис недоказуем. А с правовой точки зрения требование такой жесткой связки между школьно-университетским преподаванием и одной из философских школ просто некорректно.

Академики говорят — «мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования «материалистическое видение мира»». Вот эта заглавная буква в слове «Знание» говорит о вполне религиозном отношении авторов письма к предмету своих интересов. Заглавные буквы не терпят конкурентов. Они на вершине пьедестала почитания.

Задевший академиков призыв из резолюции XI Всемирного русского собора (5) (Москва, март 2007) о прекращении «монополии материалистического видения мира в российской образовательной системе» не означает «вытравливание» этого мировоззрения из школы и университета. Разрешение деятельности КПРФ не означает же травлю «Единой России».

Кроме того, такой призыв является следствием Постановлению Верховного Совета СССР от 1 октября 1990 г. (№ 1690-1). Пункт пятый постановления «О введении в действие закона СССР “О свободе совести и религиозных организациях”» гласил: «Поручить Совету Министров СССР обеспечить пересмотр программ обучения в государственной системе образования с целью приведения их в соответствие с Законом СССР “О свободе совести и религиозных организациях”». Сам же текст закона установил: «Ст. 5. Государство не финансирует деятельность религиозных организаций и деятельность по пропаганде атеизма.

Не допускаются ограничения на ведение научных исследований, в том числе финансируемых государством, пропаганду их результатов либо включение их в общеобразовательные программы по признаку их соответствия или несоответствия положениям какой-либо из религий или атеизма».

Что — в Советском Союзе тоже был клерикализм? Даже советник академика Гинзбурга по религиозной теме Лев Левинсон в 1990 году был достаточно взросл, чтобы помнить и тот закон, и постановление о вводе закона в действие. Тем более что тогда он был еще православным христианином (а не адептом всех сект сразу, как он заявил на судебном процессе против А.Л. Дворкина). И что же это тогда за избирательное отношение к правовым нормам? Нет, я не требую жить по Закону СССР 1990 года. Но при разговоре о монополии материалистического мировоззрения в школе вспомнить о нем вполне естественно. Позиция авторов письма вполне понятна и логична. Она логично вытекает из их мировоззрения. Но от людей высшей академической культуры ожидается умение критически относиться к самим себе, к собственным «интуициям». Мое мировоззрение, мои «предрасудки» — это очки. Очки полезны. Неполноценно забывать о том, что ты видишь мир не прямо, а через определенные очки. Неполноценно не делать поправку на субъективную искаженность своего воззрения на мир. Академики, ставящие знак равенства между «материалистическим видением мира» и «знаниями, накопленными наукой», расписываются в собственной философско-методологической наивности.

От их письма веет дискуссией между «физиками» и «лириками» 60-х годов прошлого века. Последняя фраза письма — тому подтверждение. «Никакой альтернативы этим знаниям, добытым современной наукой, не существует».

Почему разговор идет только в терминах конфликтологии — «вытравливание», «альтернатива»? Неужто невозможны отношения дополнителности?

Аксиология вполне может и должна восполнять позитивные знания. Естествознание говорит о фактах; аксиология, философия, религия — о смысле. «Что это значит для меня» — вот вопрос, который нельзя закрыть методами естествознания.

Кроме того, жесткие слова об отсутствии альтернативы могут рассматриваться как оскорбление гуманитарным ученым. Как гуманитарная культура может быть «альтернативой» нанотехнологиям? Ведь возмущившие академиков теология и культурология христианства являются частями гуманитарного знания.

Признают ли подписанты за гуманитарными исследованиями, не прибегающими к математике, право считаться наукой? У гуманитарных наук есть свои методы. И этими методами могут исследоваться даже сны и фантазии, параноидальные порождения и стихи, музыка и мифы. Научность исследования определяется не его тематическим полем, а методом.

Что и признается (и нормируется) Государственным образовательным стандартом по специальности 020500 Теология, утвержденном приказом Министерства образования Российской Федерации от 02.03.2000 № 686: «Теология — это комплекс наук, которые изучают историю вероучений и институциональных форм религиозной жизни, религиозное куль-

турное наследие (религиозное искусство, памятники религиозной письменности, религиозное образование и научно-исследовательскую деятельность), традиционное для религии право, археологические памятники истории религий, историю и современное состояние взаимоотношений между различными религиозными учениями и религиозными организациями. Изучение теологии в системе высшего профессионального образования носит светский характер».

Мне представляется, что отличие теологии от религиоведения состоит в том, что теология призвана реконструировать внутренний смысл религиозного текста — так, как он переживается адептами (автором и читателями) внутри данной религиозной традиции, а не анализировать его с точки зрения современной (и сиюминутно-ангажированной) «психологии религии» или «социологии религии».

Все методы современной теологии не имеют отличий от тех методов, что используются в других гуманитарных науках (6). Собственно, гуманитарные науки — от археологии до психологии — не занимаются ничем иным, как улавливают смысл текстов, учат людей понимать друг друга. Установление авторства текста, обстоятельств и причин его возникновения, способы его фиксации, транслирования, особенности восприятия разными кругами читателей, реконструкция его внутренней логики и смысла (в том числе через обнаружение «зон очевидностей», идеологием и стереотипов, некритично воспринимаемых самим автором из взрастившей его культуры и субкультуры)...

Правы академики — «любая научная дисциплина оперирует фактами, логикой, доказательствами». Предположим, в ученый совет Духовной Академии поступает диссертация на тему «Св. Иоанн Златоуст о частной собственности и стяжательстве». Задача диссертанта — в огромном море текстов, связанных с именем Златоуста отличить подлинные тексты от спорных и от несомненно псевдографических. В подлинных текстах собрать суждения Златоуста на тему частной и личной собственности. Показать социальную, этическую, аскетико-религиозную, эсхатологическую аргументацию, привлекаемую Златоустом для обличения стяжательства. Проследить, есть ли во времени эволюция взглядов автора на эти вопросы, есть ли колебания и нюансировка в его позиции, и если есть, то какими обстоятельствами они были вызваны. Показать и объяснить границы златоустовского критицизма. Поставить златоустовские суждения в контекст предшествующей и последующей традиции церковного учительства на эту тему (от Евангелия и «раннехристианского коммунизма» до «теологии освобождения» и современных социальных концепций Русской Православной и Римо-Католической Церквей). Показать, как и почему в те или иные периоды своей истории церковные иерархии и проповедники забывали, или, напротив, актуализировали эту грань златоустовского наследия. В заключение можно даже сравнить суждения Иоанна Златоуста и академика Жореса Алферова (как члена КПРФ).

И эти задачи должны быть достигнуты диссертантом с помощью именно и только «фактов, логики и доказательств».

Видел ли кто-нибудь из авторов академического письма хоть одну современную диссертацию по теологии? Убежден, что — нет.

Наши оппоненты пишут, что «теология — совокупность религиозных догм, оперирующая верой». Да, теология исследует догмы, а православная теология исходит из них. В переводе на язык науковедения догма — это нормативное суждение. Но «исходить» не значит «сводиться».

Кроме того, теология как раз будет исследовать историю догмы, образ ее выявления, фиксации, трансляции, понимания, ее вариативности в рамках ортодоксии и логику появления гетеродоксальных воззрений. Пусть академики возьмут труд В.В. Болотова «История богословской мысли» (4-й том его «Лекций по истории древней Церкви») и скажут — научное это исследование или нет.

А еще по секрету скажу, что число догм в Православии весьма невелико: их список умещается на одной тетрадной странице (это называется «Символ веры»). Причем в число догматов не входит ни утверждение о том, что Земля плоская, ни вера в то, что Солнце вращается вокруг Земли, ни даже тезис о создании мира за шесть суток по 24 часа. Даже про «мировую черепаху» у Церкви нет догмата. А жаль (7).

Кроме того, «догматическая теология» — лишь одно из направлений теологических исследований. А ведь есть еще библеистика, патрология, история Церкви, церковное право, церковная археология...

Требования, предъявляемые к соискателю богословской ученой степени, представлены на сайте Московской Духовной Академии: «Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата богословия, должна быть самостоятельной исследовательской работой. Соискатель должен владеть навыками научно-богословской работы, методологией богословского творчества, методами получения, обработки и хранения научной информации, обладать фундаментальной научной базой. Исследование должно проводиться всесторонне, объективно, вдумчиво, осмотрительно и беспристрастно. Главное достоинство научной работы заключается прежде всего в достижении новых результатов, которые реально обогащают церковную науку, а не повторяют уже достигнутое, не отличая вечно-истинное от устаревшего и ошибочного... Обзор литературы по теме должен показать основательное знакомство диссертанта со специальной литературой, его умение систематизировать источники, критически их рассматривать, выделять существенное, оценивать ранее сделанное другими исследователями, определять главное в современном состоянии изученности темы... Во Введении дается характеристика основных источников получения информации (официальных, научных, литературных, библиографических)... Автор диссертации должен логично, аргументировано и подробно выявить в этой части то новое и оригинальное, что составляет главную ценность его работы» (8).

Как видим, жонглирование догматическими цитатами в теологии не приветствуется. Если на ученом совете Духовной Академии диссертант начнет ссылаться на видения, голоса, интуицию сердца и «духовный опыт» — его защита окончится провалом.

Отсюда — мой вопрос к уважаемым

академикам. Представьте, что в ВАК (9) поступают два текста. Оба написаны одним и тем же человеком. Методика их написания одна и та же. Одна диссертация — о Плутархе. Вторая — об Афреме Нисибинском. Чем исследование биографии, мысли и литературного наследия одного автора научно-предпочтительнее, нежели другого? Второй менее известен? Тем более — значит, в научный оборот вводится новый материал. Но на самом деле второе имя гораздо более известно, чем имя Плутарха. В более привычных озвучке и титуловании оно звучит как «преподобный Ефрем Сирин». Святой Православной Церкви, чья молитва переложена Пушкиным («Отцы пустынноики и жены непорочны»).

Да, забыл назвать имя автора обоих исследований — С.С. Аверинцев. Член-корреспондент Российской Академии наук.

Так отчего же один труд признается заслуживающим внимания ВАКа, а второй — нет? Из-за национальности, имени, веры исследуемого автора? Или из-за того, что исследователь соглашается с мировоззрением исследуемого им писателя? По убеждению авторов письма, «вообще-то все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира. Ничего иного в современной науке просто нет».

Вот эта фраза и есть главная и непрости- тельная (с научной точки зрения) ошибка академиков. Ибо этой фразой они выдают свое глубинное убеждение в тождестве понятия «естествознание» и «наука». А ведь объем понятия «наука» много шире, чем «естественные науки». «Современная мировая наука» — это и гуманитарные дисциплины. А в мире гуманитарных исследований мы найдем немало ученых, чья мотивация, приведшая их к исследованию именно этого тематического поля, была именно религиозной. Мировоззрение многих ученых (порой сложившееся в ходе их научных поисков, а порой к этим поискам их и обратившее) бывает живо-религиозным. И христианским, и буддистским, и мусульманским, и просто философско-идеалистическим (10).

Так не только у гуманитариев, но и в медицине. Ученый медик может упорствовать в своем научном поиске, исходя именно из своего религиозного убеждения. Переживая свою помощь людям как свой религиозный долг.

Да и не всякий современный физик-математик согласится с тотальной формулой наших постсоветских академиков. «В грандиозном напряжении, с каким наша эпоха работает в этой области (физика занимается не фундаментальными частями, а фундаментальными структурами природы), выражается человеческий порыв проникнуть в интимнейшую суть вещей. Я не виноват, если эта суть не материальной природы, если нам приходится иметь дело скорее с идеями, чем с их материальным отражением», — исповедуется в своем «антипозитивистском грехе» В. Гейзенберг (11). А однажды Гейзенберг сказал почти словами Ф. Бэкона: «Первый глоток из сосуда естественных наук порождает атеизм, но на дне сосуда ожидает нас Бог» (12). Да и создатель кибернетики Норберт Винер вынужден признать, что «наивный реализм физики уступает место чему-то такому, с чем мог бы охотно согласиться епископ Беркли» (13).

Полагаю, что авторы письма согласны с теорией расширяющейся эйнштейновской вселенной. Но неужели и ее автор — бельгийский священник Жорж Леметр — тоже «базировался на материалистическом видении мира» (14). И как можно после этого уверять, будто «ничего иного в современной науке просто нет»?

Но вновь вернемся в правовое поле. Отказ ВАК в признании теологических дипломов означает нарушение международных обязательств России. Есть Лиссабонская конвенция «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе» от 11 апреля 1997 года (ETS №165). Она ратифицирована Россией 25 мая 2000 и вступила в силу (для России) 1 июля 2000 года. Согласно этой конвенции, Россия признает дипломы европейских университетов. Но во многих из этих университетов есть теологические факультеты и кафедры. В университете Страсбурга, например, целых два теологических факультета (католический и протестантский). Мне лично доводилось читать лекции на теологических факультетах Софийского, Белградского, Бухарестского университетов.

Европа признает эти дипломы. Значит, признает их и Россия. Академики сомневаются, будет ли научным образование, полученное не в их, а в нашей духовной Академии. Законное и уместное сомнение. Но ведь Церковь не говорит: «мы, мол, будем учить по-нашему и не скажем чему, а вы потом эти изготовленные нами черные ящики примите на работу к вам!». Церковь предлагает государству (в лице ВАК и Министерства образования и науки) разделить ответственность за образование и судьбу религиозной молодежи.

Мы открываем для государственного контроля часть нашей жизни: качество, методику и содержание нашего теологического образования. Пусть у государства будет принятый и разработанный им образовательный стандарт по теологии, и оно проверяет, исполняем ли мы его. Но, соответственно, и вы тогда признайте свою ответственность за результат ваших проверок. Если государство само признает, что качество нашей образовательной и научной работы соответствует принятым государством же стандартам, то пусть не пугается этих дипломированных вами наших выпускников и, если те пожелают сотрудничать с государственными административными или образовательными учреждениями, не чуждается их.

Если у ВАКа есть подозрения в научности теологических диссертаций — то ведь мы как раз и просим ВАК проверять наши научные труды именно на соответствие критериям научности, принятым в светской науке.

Церковь дает ВАК право оценивать работы ее людей. Умно ли это квалифицировать как «внедрение Церкви в государственный орган»? Разве ректор Духовной Академии претендует на должность председателя ВАК? Я даже не слышал, чтобы велись разговоры об участии в ВАК профессиональных богословов. Но даже если такое участие и будет (ибо есть люди, совмещающие ученые степени и в светских науках и в богословии), — теологическая экспертная комиссия ВАК не будет вмешиваться в работу комиссии даже религиозно-философской, не говоря уже о делах математиков, биологов и физиков. Так что вывод об «очевидном нарушении Конституции страны» тут как

раз не очень очевиден.

Теология — модус присутствия логики в иррациональном мире религии. Так зачем же наука отрешивается от своего союзника? Теология — часть науки, и зачем же ВАКу ее анафематствовать? Положение теолога и так сложно (рискованно, диалектично). По верному замечанию С.С. Аверинцева, «идеал теолога колеблется между двумя совершенно разнородными идеалами: идеалом ученого, который работает с логически принудительными силлогизмами, — и идеалом «друга Божьего», которому Бог раскрывается в личностном и потому неизреченном опыте общения» (15). Ну, то же самое можно сказать о музыковед: он и анализирует, и слушает, и слышит. Но все же в теологии («схоластике») рациональности и доказательности (проверяемости) много больше, чем в музыковедении. В конце концов, если в богословии есть «схоластика» (как бы ее ни клеймили), значит, в нем есть рационалистичность.

Не все в теологии научно? — Да. Но на суд ВАК представляться будут только научные элементы и выводы работы теолога. Ведь и жизнь светского ученого не сводится к библиотечной работе. Однако ВАК не рассматривает обстоятельства его личной жизни. И вновь — не вижу оснований для жалобы президенту.

Зато экскурсия по архивам и библиотекам ВАК поможет ответить на другой упрек академиков, связанный с преподаванием «основ православной культуры». В ходе этой экскурсии обнаружится, что есть такая научная (гуманитарная) дисциплина — «культурология».

Вот что это: «Культурология — исследование истории обыденности, мифологических и культурно-филологических реконструкций... Культуру как объект познания К. можно обозначить как исторический социальный опыт людей по селекции, аккумуляции и применению таких форм деятельности и взаимодействия, которые помимо утилитарной эффективности оказываются приемлемыми для человеческих коллективов также и по своей социальной цене и последствиям, отбираются на основании соответствия критерию ненанесения вреда социальной консолидированности сообществ и закрепляются в системах их культурных ценностей, норм, паттернов, традиций и т.п., т.е. представляют собой систему определенных “социальных конвенций”, прямо или опосредствованно обеспечивающих коллективный характер человеческой жизнедеятельности».

Этот социокультурный опыт воплощается в системе непосредственно регулятивных установлений — обычаев, законов, канонов, морали и нравственности, этикета и т.п.; опредмечивается в специфических чертах технологий и продуктов (результатов) деятельности людей по удовлетворению их групповых и индивидуальных интересов и потребностей (определяющих допустимые в данном сообществе способы осуществления той или иной деятельности и параметры получаемых при этом результатов); является основным содержанием всех видов коммуницирования между людьми и формирует особенности языков и “культурных кодов” такого рода коммуницирования; определяет содержание и методику процессов социализации и инкультурации человеческой личности; рефлектируется и интерпретируется в “культурных текс-

тах” философии, религии, социальных и гуманитарных наук, литературы и искусства, обществ, мысли, права и идеологии, обрядов и ритуалов и пр.; транслируется от поколения к поколению в виде традиций, обычаев, ценностных ориентаций, экзистенциальных установок и пр.; является содержательной основой процессов социального воспроизводства сообщества, конкретно-исторических локальных черт их культурных систем и конфигураций. Это и есть культура в том смысле, в котором ее изучает культурология» (16).

Среди множества культурных моделей, исследуемых методами этой дисциплины, есть и христианский мир. И есть ученые, работавшие на этом тематическом поле, чьи труды стали научной классикой.

Труды и имена Алексея Федоровича Лосева, Михаила Михайловича Бахтина, Сергея Сергеевича Аверинцева, Юрия Михайловича Лотмана, Андрея Чеславовича Козаржевского, Арона Яковлевича Гуревича, Вячеслава Всеволодовича Иванова, Александра Михайловича Панченко, Бориса Андреевича Успенского говорят о том, что такая научная школа и методология уже существуют. Все они писали в советские времена и в советской стране (в эмиграции культурологические труды создавали Лев Карсавин, Георгий Федотов, Георгий Флоровский). Ни о какой прямой проповеди тогда и речи быть не могло. Но добротное научное исследование все равно пролагало себе дорогу. Книги Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы», Козаржевского «Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы», Гуревича «Категории средневековой культуры» стали катехизисами для целого поколения советской интеллигенции. Прекрасный пример культурологического рассказа о религии стоит дома у каждого интеллигентного человека — двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира». Могу также посоветовать статью Аверинцева «Христианство» в пятом томе советской «Философской энциклопедии» (1970).

Академическая традиция культурологического исследования и изложения христианства есть. Значит, нужно переложить эти академические труды на язык университетских лекций, а затем и школьного учебника. Эту непросто, это задача не для одного человека и не на один год. Но пусть Министерство образования и науки закажет наследникам и коллегам Аверинцева эту работу, а не просто запрещает ее! Могу даже «адресок подкинуть» — МГУ, кафедра теории и истории мировой культуры, профессору Александру Львовичу Доброхотову (копия — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, кафедра культурологии, профессору Александру Львовичу Доброхотову).

Культуролог может исследовать образы поведения людей в советских магазинных очередях или культуру коммуналок, а может говорить о «культурных сценариях», связанных с религиозной жизнью данной группы людей.

Выбор тематического поля при сохранении научного метода не лишает исследование научного статуса. И культурологический рассказ о религии не становится религиозной проповедью.

Религиозное образование ставит своей целью приведение детей к религиозной практике. Оно добывается согласия учеников с верой той религиозной группы, от имени которой ведется преподавание.

Культуролог же добивается не согласия и принятия, но информированности и понимания. Законоучитель ссылается на библейские тексты как на тексты авторитетные, доказывающие правоту его веры. Культуролог ссылается на те же самые тексты Библии с иным акцентом: он тоже видит в них доказательство своей правоты, но правоты не религиозной, а исследовательской. Он их приводит в качестве подтверждения своего тезиса о том, что такое-то верование в данной общине реально существует. Для законоучителя Библия — исключительный авторитет. Для культуролога Библия авторитетна лишь в качестве свидетельства о верованиях тех групп людей, которые ее создали или чья жизнь создавалась с опорой на Библию. Если же он обратится к анализу индийских верований, то таким же и никак не меньшим авторитетом для культуролога станут тексты Упанишад.

Реальность, о которой говорит законоучитель и к которой он обращает, — Бог. Реальность, о которой говорит культуролог, — люди и созданные ими тексты.

Законоучитель говорит о Боге (и к Богу); культуролог — о людях, верящих в Бога. Законоучитель доказывает. Культуролог — объясняет. Это разные интеллектуальные процедуры: доказать и объяснить.

Доказать — значит понудить собеседника к согласию со мной. Объяснить — значит сделать для него понятной мою логику, мое видение проблемы. В религии есть много недоказуемого, но нет ничего бессмысленного. Для сознательного носителя религиозной традиции каждый жест, символ, каждая деталь его вероучения осмысленны. Задача религиоведа и культуролога — попробовать передать этот смысл на языке современной культуры. Культуролог старается понять внутреннюю логику изучаемого им мира, а не навязать ему свою оценку или свою логику.

Культурологическое преподавание — это реконструкция мира, о котором свидетельствует тот или иной текст. Причем текст имеется в виду не только литературный, но и живописный и музыкальный, и событийный... На этих уроках речь шла бы не только о сюжетах икон. Понять культуру какой-то эпохи — значит понять логику людей, живущих в ней. Почему этот человек (или персонаж) поступил так? Какой он должен был видеть ситуацию, чтобы реагировать именно таким образом? В каком из миров такой поступок понятен и логичен?

ОПК — рассказ об огромном мире православной культуры. Это разговор не о Боге, а о человеке. Рассказ об опыте прочтения Библии разными поколениями, о том, как эта книга меняла их жизнь. Рассказ о таком человеке, который верит в такого Бога. Знание психологии таких людей помогает нам понять ту культуру, которую они создали и в которой хотя бы отчасти мы живем до сих пор. В итоге — планета людей станет немного понятнее.

Культурология — это разговор о человеческих мирах. В школе и в университете умеют рассказывать о внутренней логике мира Достоевского, а затем — о той логике, что определяла творчество Льва Толстого, и вслед за этим — о вселенной символов Маяковского. Требуют одно: «пойми!». Но не требуют: «согласись!».

Если государственная школа может ставить своей задачей объяснение внут-

реннего смысла космоса Толстого и вселенной Достоевского, почему она не имеет права объяснять мир, созданный не одним личным гением, а гением многовекового и многоязыкого сообщества православных народов?

Предположим (чтобы не раздражать правозащитников), моя фамилия Горфункель, и я специалист по культуре эпохи Возрождения. Я много лет преподаю в университете, немного закоснел в одних и тех же своих лекциях и решил проверить — смогу ли я быть понятным для школьников. Соседняя школа приняла меня и решила, раз уж у нее такой исключительный специалист, дать мне больше часов на мои уроки и на мою любимую тему. Должна ли для того школа ждать приказа московского министерства? Нет? Но тогда почему для разговора об одной культуре (ренессансной) министерского разрешения не нужно, а для разговора о культуре более близкой — православной — разрешения сверху нужны (а при министре Фурсенко для нее и вообще находятся лишь запреты и окрики).

Неужели и на Горфункеля и ренессансную культуру академики будут жаловаться президенту?

И не надо спешить заранее обижаться на еще ненаписанный учебник от имени «многонациональной многоконфессиональной страны». Православие — религия не только славян, но и якутов, вепсов, карелов, коми, чувашей, осетин, части татар и даже трети российских евреев. Но главное не в этом, а в том, что именно русский народ — это народ державообразующий для севера Евразии. Национальные мечты иных народов более локальны: собственное обустройство. Это не грех. Но сохранить огромную Федерацию с таким кругозором нельзя. Отсюда — неизбежность особого статуса русского народа в России. У нас нет равенства в языковой политике (федеральные чиновники должны знать русский, но не обязаны знать сто других языков). У нас нет равенства в информационной политике (национальные республики имеют право вести вещание на национальных языках, но федеральные каналы знают лишь одно наречие). У нас нет равенства в школе (Пушкин преподается всем, я классики якутской поэзии неизвестны в школах за пределами Якутии).

И что — и в этом увидим «презрительное отношение к другим конфессиям...», православный шовинизм..., политику, ведущую к развалу страны?»

Вот и экскурсия в мир православной русской культуры, ведущаяся без критики других религиозных миров, без зазывания и рекламы, без требования согласия с предметом разговора, будет полезна для детей всех народов.

Если учебник ОПК будет действительно культурологическим, то он не станет травмирующим ни для каких детей. Напротив, качественный культурологический учебник станет весьма полезным «прибором», своего рода «маячком», указующим на разрастание трещин в российском обществе: по реакции на него можно будет судить о мере здравости некоторых неправославных общин России (в том числе и некоторых мусульманских). Если не проповедь, не молитва, а просто рассказ о сюжете рублевской «Троицы» будет вызывать протесты их лидеров и адептов — значит, вирусы завелись в организме России; вирусы, способные лишь отри-

цать и разрушать, но не склонные ни к пониманию, ни к диалогу, ни к инкультурации.

Но сначала учебник должен быть написан на должном уровне. Без участия научного сообщества это немыслимо. И потому столь для меня досадна попытка части научного сообщества идти из-за этого проекта на конфликт с Церковью вместо того, чтобы вместе взяться за эту работу.

Академики правы — существующие учебники по ОПК ближе к «Закону Божию», чем к культурологии. Уроки, как они ведутся приходскими энтузиастами сейчас, способны порождать вполне справедливые протесты. Но разве это повод для закрытия всего проекта? Если автомобиль — это средство повышенной опасности, то из этого не следует, что автовождение следует запретить. Просто надо строить хорошие дороги и не допускать дураков к вождению.

Сноски

1. «А преподавая религию в школах, эти, мягко говоря, сволочи церковные хотят заманить души детей» (Интервью В.Л. Гинзбурга газете «Вести образования» (№ 3(75) от 1-15 февраля 2007 года).

2. Его первое выступление на эту тему: Гинзбург В., Фейнберг Е. Нас, атеистов, не так уже мало... Вера в Бога и мода на чудеса // Литературная газета, 3 июня 1998. Это — ответ на мою статью: Человек и Бог: вчера, сегодня, завтра // Литературная газета, 8 апреля 1998. («Я никогда не стремился публично высказывать свое мнение на эту тему. Но в середине 1990-х годов я прочитал статью дьякона Андрея Кураева, в которой он утверждал, что атеистов нужно занести в Красную книгу. Я был настолько не согласен с подобной точкой зрения, что вступил с ним в полемику и с тех пор периодически говорю и пишу об элементарных вещах: о свободе совести, об отделении религии от образования, о необходимости атеистического просвещения» (НГ-религия. 5.11.2003). Стоит только уточнить, что в той статье я говорил, что при нынешнем разгуле оккультизма и суеверий в Красную книгу атеистов надо занести как редкий вид для их сохранения.

3. «Существуют области, в которых священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним. Это: а) политическая борьба, предвыборная агитация, кампании в поддержку тех или иных политических партий, общественных и политических лидеров...» (Основы социальной концепции РПЦ. 3,8)

4. Об этом — моя книжка «Может ли православный быть эволюционистом?».

5. Это, кстати, не церковный, а светский форум. И уже точно никак не властный, а просто общественный. Его решения не имеют никакой понудительной силы ни для Церкви, ни для государства. Не надо его путать с Собором Русской Православной Церкви.

6. И это понятно, ибо, по слову великого энциклопедиста св. Фотия, патриарха Константинопольского (того, что послал свв. Кирилла и Мефодия на миссию к славянам в 9 веке) — «В человеке я вижу тайну богословия» (Амфилохии, 253).

7. Научный фольклор гласит, что как-то после лекции космолога к ученому подошла женщина, погрозила пальцем и

сказала визгливым голосом: «Извиняюсь, сэр, но у вас здесь все неверно. На самом деле вселенная сидит на спине огромной черепахи». «В самом деле?» — спросил космолог. «Тогда скажите мне, на чем стоит эта черепаха?». Пожилая леди тотчас же ответила: «А она стоит на другой черепахе». Космолог спросил снова: «А на чем стоит эта другая черепаха?» Ее ответ не заставил себя долго ждать: «Еще на одной черепахе». Космолог уже открыл рот, чтобы повторить свой предыдущий вопрос, но она остановила его на полуслове: «Побереги легкие, сынок. Там сверху донизу сплошные черепахи». Ну может ли быть лучшая иллюстрация для теоремы Гёделя о неполноте формальных систем (1931 год)? Разве что слова математика Андрея Вайля по поводу гёделевской теоремы: «Бог существует, поскольку математика логически последовательна, а дьявол существует, поскольку предыдущее не может быть доказано».

8. <http://www.mpda.ru/school/work/dissertation/>

9. «ВАК» — Высшая Аттестационная Комиссия; высшая экспертная инстанция, утверждающая присвоение ученых степеней и званий.

10. Даже отнюдь не гуманитарий, нобелевский лауреат Эрвин Шредингер через всю свою научную жизнь пронес убеждение в том, что новейшая научная картина мира ближе всего к ... веданте (религиозно-философской пантеистической системе, построенной на индийских «Упанишадах»). См.: Шредингер Э. Мой взгляд на мир. М., 2005.

11. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987, с. 149.

12. Цит. по: Кулаков Ю. И. Проблема основ бытия и мир высшей реальности // О первоначалах мира в науке и теологии. СПб., 1993, с. 82.

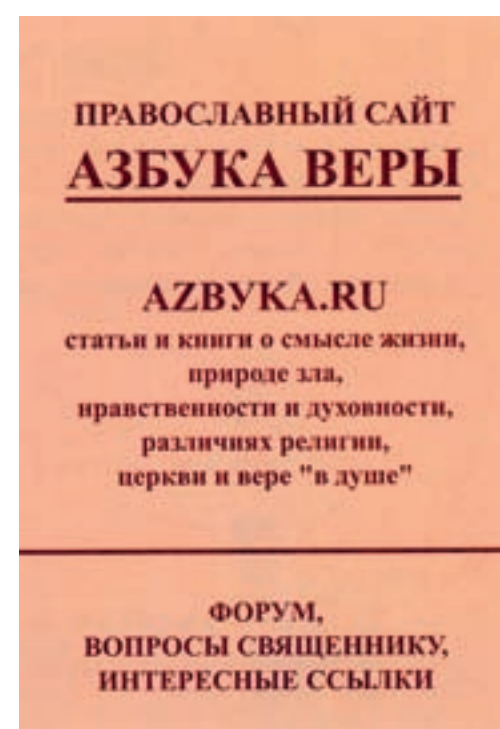
13. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958, с. 34.

14. О влиянии определенных логических моделей, рожденных потребностями именно католической догматики на формирование теории Леметра см. в книге Стэнли Яки «Бог и космологи» (Долгопрудный, 1993).

15. Аверинцев С. С. Теология // Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 201.

16. Порус В. Н. Культурология // Культурология. Энциклопедия в 2-х тт. Под ред. С. Я. Левит.

дьякон Андрей Кураев,
профессор Московской Духовной Академии
30 июля 2007 г.

В РОДНЫХ СТЕНАХ КАЗАНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

Шесть лет существует в Казанском кафедральном соборе детский хор. В апреле 2001 года с благословения настоятеля собора протоиерея Павла Красноцветова и одобрения Церковного собрания был объявлен набор детей для обучения азам церковного пения.

С самого начала и по сей день в хор принимаются все дети, независимо от подготовки и музыкальных данных. Благословляя создание детского хора, отец Павел подчеркивал, что это должен быть не «клуб любителей пения», но посредством церковной музыки необходимо обучать

Хоровая работа в коллективе организована таким образом: дети, имеющие навык пения по нотам, составляют «ядро» хора, с которым разучиваем 2-х, 3-х голосные песнопения. А с остальными детками учим одну партию и отдельно занимаемся музыкальной грамотой и сольфеджио. Занятия проходят 2 раза в неделю. Есть и младшая группа, куда принимаем с 5 лет для развития музыкального слуха и интонаций. И еще для детей, посещающих Воскресную школу есть урок, где разучиваются молитвы, исполняемые в храме всем народом в унисон — «Отче наш», «Богородице

К Рождеству Христову мы с детьми готовим соборную «Ёлку» для детей прихожан и сотрудников, а в Пасхальные дни проводим детский праздник. И открываем эти праздники самодеятельными спектаклями, в постановке которых наши хористы с радостью принимают участие.

Еще одна традиция жизни детского хора — это паломнические поездки на автобусе к близлежащим святыням. Дети очень любят такие поездки. Наш экскурсовод Ирина Николаевна Груздева всегда проводит их в атмосфере радости, хорошего настроения. Она организует интересные беседы, игры,

и общение с духовноблизкими людьми в процессе обучения, труда и отдыха, такие минуты радости не пройдут бесследно!

Милостью Божией, под покровом Царицы Небесной, Матушки нашей Богородицы живет наша православная семья.

Слова благодарности за отеческое внимание к нам приносим настоятелю Казанского кафедрального собора протоиерею Павлу Красноцветову, председателю приходского совета протодиакону Василию Маркову, всем священникам, диаконам, чтецам и сотрудникам собора, которые всегда с участием откликаются на нужды детского хора.

детей молитве; через красоту и глубину этой музыки вести их к Богообщению, к выстраиванию нравственных критериев своей жизни.

Вначале хор был невелик. Но, услышав в соборе на Рождество детские голоса, к нам потянулись люди. Хор стал расти. За 6 лет мы стали дружной детско-взрослой семьей, где дети и родители вместе встречают каждый воскресный день в Казанском соборе, ставшем всем за эти годы родным. Появились добрые традиции.

Дево», «Верую» и другие.

Трижды в учебном году мы готовим духовные концерты: к празднику Казанской иконы Божией Матери (4 ноября), к Рождеству Христову (7-8 января) и к Пасхе (в день Антипасхи). Дети поют песнопения этих праздников, колядки, духовные канты, читают стихи. После пения в Соборе, чтобы поделится радостью православных праздников, мы выезжаем с этими концертами к детям других приходов Санкт-Петербурга и в детские дома.

конкурсы. В поездках мы обязательно молимся, поем прямо под открытым небом, воспевая Творца всего видимого и невидимого; либо в автобусе, по ходу движения.

Как привить детям любовь к Храму? Как сделать, чтобы они не отошли от веры? Эти вопросы все чаще поднимаются православными педагогами и родителями.

Если дети с родителями и учителями вместе переживают минуты, часы неземной радости, связанные с пребыванием в православном храме: это и совместная молитва,

Также хочется выразить благодарность всем родителям детей — мамам, папам, бабушкам, дедушкам, которые по первому зову приходят на помощь, немало сил, времени уделяя пребыванию своих детей в стенах православного храма. Вам, безотказным помощникам — Гусаровой М.И., Бурмировой Н.А., Поповой О.К., Ивановой Л.И., Белозеровой И.А., Колесовой И.А. и другим родителям — низкий поклон.

Руководитель детского хора
Мария Владимировна Красноцветова

ЖИВОПИСЬ КАЗАНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

Живописное оформление Казанского собора составляет огромное количество икон и картин на религиозные сюжеты.

Здесь работало 26 художников начала XIX принадлежавших к господствующей

Св. Григорий Богослов. Шебуев. В.К.

тогда в русском искусстве академической школе живописи. Академия художеств за основу художественного вкуса брала традиции искусства эпохи высокого итальянского Возрождения и, прежде всего, ярчайшего его представителя — Рафаэля.

По существу, это направление не имело ничего общего с веками сложившимися традициями московской или новгородской иконописных школ, но традиции эти к началу XVIII века были сломаны Петровскими реформами, а академическое направление в церковной живописи поддерживалось правительственными учреждениями России, в том числе и Святейшим Синодом.

В Казанском соборе, как в одном из главных столичных храмов, работали наиболее выдающиеся представители академической живописи, такие, как К.П. Брюллов, Ф.А. Бруни, В.К. Шебуев, Г.И. Угрюмов, В.Л. Боровиковский, О.А. Кипренский, А.И. Иванов, А.Г. Варнек, А.Е. Егоров, П.В. Басин и ряд других.

Еще в 1803 году А.Н. Воронихин подготовил список всех произведений живописи для собора, определил их местоположение и размеры. Решением Совета Академии художеств было определено, что он находит «способ писания образов по золоту противным достоинству художника, как потому, что искусство живописи при оном совсем теряется, так и потому, что самая позолота почернеть может». Как и скульптура, иконы были выполнены в стиле классицизма. Живописцы строго придерживались канонов этого стиля, тщательно разработанных академиками изящных искусств Европы и России.

Два огромных образа кисти В.К. Шебуева — художника-академиста начала XIX

века, изображают величайших христианских богословов IV века — святых Василия Великого и Григория Богослова. В историю Церкви они вошли как творцы православного учения о Троице и был направлен против многочисленных ересей, раздиравших Церковь. На иконе Св. Василий изображен в коленопреклоненной молитве перед Св. Духом. Разработанное Св. Василием учение о Святом Духе было окончательно принято Церковью на Втором Вселенском Соборе

в 381 году, до которого Св. Василию не удалось дожить.

На иконе слева от алтаря изображен великий представитель христианского богословия Св. Григорий Богослов, ближайший друг и соученик Св. Василия, с которым он многие годы «роскошествовал в злостраданиях», т.е. монашеских подвигах и аскезе. Оба образа переданы на временное хранение в собор из фондов Русского музея вскоре после возобновления богослужения в храме.

Е.С. Лукашевский
Продолжение следует.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА КАЗАНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

В Казанском соборе воскресная школа существует с 1996 года. Несмотря на острую нехватку помещений для проведения занятий, с каждым годом она развивается, количество учащихся увеличивается, образовательная система прогрессирует. В настоящее время проводятся занятия:

- по Закону Божию для младшей группы (до 7 лет) — сразу после воскресной литургии;
- по библейской истории Ветхого и Нового Завета для средней (от 7 до 12 лет) и старшей (с 12 до 16 лет) групп — по субботам в 17.00 и по воскресеньям в 12.15 соответственно;
- по катехизису и основам православного богослужения — для средней (от 7 до 12 лет) и старшей (с 12 до 16 лет) групп — по субботам в 17.00 и по воскресеньям в 12.15 соответственно;
- православной театральной студии — по средам с 16.30 до 18.00 для детей средней и старшей возрастных групп;
- детской хоровой студии.

В воскресной школе собора преподают квалифицированные педагоги, имеющие педагогическое образование, а также клирики собора, получившие высшее богословское образование. Набор в группы осуществляется в течение сентября, при необходимости можно записаться и позднее. Занятия начинаются с 9 сентября и заканчиваются в мае. Учебный план рассчитан на 1 год, в дальнейшем планируется перейти на двухгодичную систему преподавания. Проводятся также занятия для взрослых — по субботам в 17.00. Преподавание осуществляют священники собора.

Приглашаем всех желающих повысить свое образование, получить дополнительные знания.

Расписание занятий на 2007/2008 учебный год:

- воскресенье: 12:15 Закон Божий (после литургии), 13:00 - чаепитие, 13:30 - пение, 14:00 хор (старшая группа)
- суббота: 15:00 - хор (младшая группа), 16:00 старшая группа, 17:00 - Закон Божий.
- среда: 16:30 - 18:30 театральный кружок «Дар».

Школа иконописи работает:

- среда с 17:00 до 19:00 (взрослые)
- пятница с 15:30 до 17:00 (дети с 4 лет)

Руководитель школы: Р.М. Гирвель

По вопросам записи в воскресную школу обращаться в дни занятий.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

20 августа с.г. скончалась Анна Сергеевна Белевцева — супруга заслуженного профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии протоиерея Иоанна Белевцева.

Выражаем соболезнования родственникам и близким матушки Анны.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПЯТИДЕСЯТИДУШЕТИЕМ ХИРОТОННИ ВО СВЯЩЕННИКИ !

ПРОТОИЕРЕИ ПАВЕЛ КРАСНОЦВЕТОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ДНЕМ ТЕЗОИМЕННИТСТВА !

ЧТЕЦ ДИМИТРИЙ АНДРИАНОВ

Настоятель Казанского кафедрального собора протоиерей Павел Красноцветов был рукоположен в сан иерея 28 августа 1955 года.

27 августа сего года Высокопреосвященнейший митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир совершил в Казанском кафедральном соборе Всенощное бдение, за которым поздравил протоиерея Павла Красноцветова с 52-летием его иерейской хиротонии и пожелал ему помощи Божией в служении Церкви Христовой.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В Казанском кафедральном соборе установлена купель для Крещения взрослых полным погружением. Заблаговременно необходимо договориться со священником.

ЭКСКУРСИОННАЯ СЛУЖБА КАЗАНСКОГО СОБОРА.

Экскурсионная служба Казанского собора была создана по благословению настоятеля семь лет назад. Экскурсоводы имеют высшее историческое и богословское образование. Экскурсии проходят ежедневно с 12 до 18 часов на русском, английском, французском и немецком языках. Наряду с обзорными проводятся и тематические экскурсии. Продолжительность экскурсий от тридцати минут до часа в зависимости от желания посетителей. Экскурсии организуются для школьников, студентов, русских и иностранных туристов, а также паломников. Пожертвования за экскурсии поступают на воссоздание Казанского собора.

ДЕНЬ ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА

5 сентября 2007 года исполнилось 29 лет со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова).

В Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры была отслужена заупокойная литургия и панихида по почившему, по окончании которых у могилы митрополита Никодима на Никольском кладбище состоялась лития. Почтить память видного иерарха Русской Православной Церкви прибыли митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, архиепископ Берлинский и Германский Феофан, архиепископ Новгородский и Старорусский Лев, архиепископ Уральский и Гурьевский Антоний.